

*Воскресенская Ольга Викторовна, ассистент кафедры экономической теории,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна», г. Санкт-Петербург*

В ПЛЕНУ «ПОСТОЯННОЙ ВРЕМЕННОСТИ»

Аннотация: устойчивые социальные и экономические процессы последних десятилетий характеризуются появлением нового явления, известного как прекарность, и сопровождающего его нового класса, известного как прекариат. Прекариат как социальный класс или социальная общность в первую очередь ассоциируется с фактором нестабильности и незащищенности работников с гибкой занятостью. Эта статья посвящена проблеме прекариатизации с институциональной точки зрения, тому как «ловушка постоянной временности» может стать еще более устойчивой к изменениям и трудной для выхода из нее из-за несоответствия между ожиданиями и представлениями сотрудников относительно их карьерных перспектив, с одной стороны, и существующими регулируемыми механизмами, и социальными технологиями, с другой.

Ключевые слова: прекариат, прекаризация, прекарная занятость, нестабильность, институты.

Abstract: The sustainable social and economic processes of the last decades are characterized by the emergence of a new phenomenon known as precarity and a new class that accompanies it, known as the precariat. The precariat as a social class or social community is primarily associated with the factor of instability and insecurity of workers with flexible employment. This article is devoted to the problem of precariatization from an institutional point of view, how the “permanent temporality trap” can become even more resistant to change and difficult to get out of it due to the

discrepancy between the expectations and perceptions of employees regarding their career prospects, on the one hand, and existing regulatory mechanisms and social technologies, on the other.

Key words: precariat, precarization, precarious employment, instability, institutions.

Этимология слова прекариат своими корнями восходит к Риму, времен античности: «В римском праве прекариум означал безвозмездную передачу движимой или недвижимой вещи при возможном её свободном отзыве собственником в любое время. Договорное отношение собственника и пользователя (прекариста) этой передачей не устанавливалось. Прекарист мог применять или использовать вещь, но должен был в любое время рассчитывать на её отзыв. Тем самым прекариум был некой испрошенной арендой, производной от слова *precēs* в его значении - просьба, мольба» [1]. Это слово осталось в европейских романских языках, и так же прижилось в английском. Уже к XIX в. «прекарность» для пролетариата стала одной из базовых характеристик.

Таким образом, прекариат — это социальный класс людей, состоящий из людей, находящихся в состоянии неустойчивости, то есть в условиях отсутствия предсказуемости и безопасности. Прекариатами считаются в основном фрилансеры без долгосрочных или постоянных контрактов, а также люди, имеющие краткосрочные и нулевые контакты.

Прекариат представляет собой закрытие цикла от промышленности, заменяющей ремесленника производственными и офисными центрами, в пользу создания внештатных ремесленников, которые работают в том, что раньше было организациями. Водители, писатели, графические дизайнеры, ИТ-специалисты и даже повара и личные помощники среди буквально тысяч других профессий теперь работают вне сферы организации, напрямую влияя на ее траекторию. Для работодателя это означает сокращение расходов на здравоохранение, пособие по болезни и материнству, и других льгот для

сотрудников.

Многие исследования демонстрируют, что явления, которые можно отнести к прекариату и нестабильности, наблюдаются практически во всех сферах занятости. Феномен прекариата заставляет исследователей менять подходы к анализу занятости, изменению условий труда и переосмыслению традиционных моделей, связанных с трудовыми отношениями, как в экономической теории, так и в социологии. Современное развитие сфер, где заняты социально ориентированные профессионалы, связано с масштабными реформами, которые предполагают радикальные институциональные изменения. Однако институциональные изменения (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) не приводят к формированию стабильного равновесия и все чаще характеризуются деинституционализацией, которая является причиной нестабильности.

Рост прекариата сопровождается политикой, направленной на повышение эффективности государственного сектора. Происходит гибридизация экономических отношений, но изменение пропорций между частным и государственным секторами и внедрение конкурентных механизмов происходят асинхронно с формированием устойчивых эффективных институтов. Это разделение приводит к нестабильности профессионального статуса, в частности, среди социально ориентированных профессий.

Прекариат является следствием отсутствия эффективных институтов для регулирования возникающих новых социальных отношений. Такие институты нельзя заменить разработкой эффективных рыночных механизмов.

Одной из важных и парадоксальных (на первый взгляд) причин формирования прекариата является стремление к эффективности. Эффективность как понятие, хотя и ассоциируется с интуитивно доступным для каждого значением, на самом деле в экономике существует набор теорий, которые отличаются сложностью, а не однородностью. В обычном смысле (и чаще всего в публичном дискурсе) эффективность понимается как соотношение затрат и результатов. В этом контексте эффективность близка к понятиям

продуктивности и результативности.

Хотя существует также много нерешенных исследовательских вопросов для частного сектора и частных товаров, существуют удовлетворительные ответы на вопросы об измерении и повышении эффективности, производительности и результативности. Однако для других видов товаров – общественных, смешанных, трастовых и т. д., доверие и социальная солидарность не могут быть заменены конкуренцией и погоней за прибылью.

Но это не значит, что не должно быть конкуренции и утилитарного поведения, ориентированного на получение прибыли. Все дело в институциональных ограничениях утилитарной человеческой деятельности в культурных и социальных контекстах, которые необходимо рассматривать в свете исторического наследия и опыта.

Кроме того, хроническое недофинансирование социальной сферы в период радикальных рыночных реформ привело к формированию значительных теневых институтов и механизмов коррупции. Теневые отношения в сфере образования и здравоохранения можно рассматривать как компенсационные механизмы адаптации к низким официальным доходам. Для профессиональных групп, связанных с государственным сектором, стремление к эффективности обернулось усилением бюрократизации, нестабильностью (связанной, в частности, с бесконечной серией реформ) и выполнением ранее несвойственных функций. Профессионалы перестали определять цели и планировать изменения, передав эти роли менеджерам.

Здесь происходит столкновение с очень чувствительным вопросом для экономической и управленческой науки – универсальность рекомендаций по повышению эффективности. Трудовая нестабильность социально значимых профессий связана с изменениями как технологического, так и институционального характера. Выявление причин и последствий нестабильности невозможно без детального изучения социальных и технологических контекстов.

Возможными решениями проблемы нестабильности могут быть реформы,

направленные на увеличение доходов профессий, которые находятся под угрозой нестабильности. Почему занятость в государственном секторе все больше смещается в сторону прекариата? Ответ на этот вопрос зависит как от понимания природы прекариата как социального явления, так и от анализа процессов, происходящих в государственном секторе за последние десятилетия.

В целом, можно видеть, что трудовая нестабильность социально значимых профессий становится проявлением очень важных тенденций социально-экономического развития не только в России, но и в других странах. Наиболее значимыми социальными явлениями, связанными с нестабильностью, могут быть следующие: усиление региональных диспропорций (в основном между центром и регионами), низкий престиж социально ориентированных профессий, низкая заработная плата, корпоративная незащищенность сотрудников перед администрацией организаций и учреждений. В российских условиях социально ориентированные профессии связаны с неизменными профессиональными рисками. Реформы, призванные улучшить финансовое положение профессиональных групп врачей и учителей, воспринимаются представителями этих групп довольно негативно. Этот парадокс обусловлен тем, что реформа часто проводится на основе механического достижения целевых показателей в погоне за мифической эффективностью без учета профессиональных характеристик, ценностей и мнений общественных и профессиональных объединений.

Одним из последствий реформ в российском государственном секторе является растущее неравенство между профессиональными группами в разных регионах. На основе анализа качественных и количественных данных можно сделать вывод, что в столице и крупных провинциальных городах представители социально ориентированных профессиональных групп в той или иной степени подвержены рискованному труду.

Можно сделать вывод, что отношение к проблемам здравоохранения и образования в российском обществе характеризуется определенным цинизмом. С одной стороны, существует понимание того, что образование и

здравоохранение недофинансируются, подвержены лавинообразной бюрократизации и отстают по уровню развития не только от развитых стран, но и от многих развивающихся стран. С другой стороны, в обществе также существует странный консенсус в отношении того, что проблемы в образовании и здравоохранении касаются только субъектов этой сферы, поэтому никто не готов нарушать статус-кво по отношению к врачам, учителям, профессорам. Возможно, это следствие идеологических рамок неолиберализма: как только субъекты сферы образования выбирают свою профессию, их позицией становится проблема нахождения консенсуса в рамках договорных отношений с работодателем. И хотя эта точка зрения имеет довольно серьезную идеологическую и даже теоретическую основу, она кажется неполной и даже ошибочной. Поэтому необходимы исследования нестабильности, чтобы сосредоточиться на негативных последствиях реформ в сферах социально ориентированных профессий. Понимание этих проблем является важным шагом на пути к созданию условий, благоприятных для преодоления негативных тенденций не только в России, но и во всем мире.

Подводя итог, стоит отметить то, что люди, занятые в сфере прекарной занятости, не относятся к маргинальным слоям общества. А это вплоть до 50% экономически активного населения. Более справедливо будет судить о нарастающей тенденции прекаризации класса наемных работников в целом. Это чревато еще большим распространением неустойчивой, нестабильной и негарантированной занятости. Данные тенденции постоянной временности касаются не только рабочих промышленного сектора, но и также достаточно значительные слои служащих, интеллигенции, кадров, занятых в сферах образования, культуры и услуг. Волна очередного кризиса накроет еще больше людей, скрыв за небольшим показателем безработицы то, какие масштабы по-настоящему приобрели процессы деформации занятости. Реформы российской сферы образования и здравоохранения сопровождаются масштабными институциональными изменениями, которые привели к бюрократизации, ориентации на достижение показателей эффективности, не связанных с

профессиональными ценностями, стагнации доходов, неравенству между регионами и нестабильности профессиональных траекторий. Прекаризация расщепила трудовые договоренности и создала классовую фрагментацию, поэтому она требует особого напряжения сил и поисков новых методов политической работы.

Библиографический список:

1. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) /Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
2. Романовский Н. В. Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования – 2019. – Номер 9 С. 96-105 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250006664-3-1> (дата обращения: 22.11.2022).
3. Vyacheslav Volchik, Liudmila Klimenko, Oxana Posukhova. Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities. Entrepreneurship and Sustainability Issues, Entrepreneurship and Sustainability Center, 2018, 6 (1), pp.411-428.